

ПОЛИТІА

И.С.Яжборовская К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ПОЛЬШЕ¹

¹ Статья подготовлена в рамках двухтомной монографии по указанной проблематике, выход которой предполагается в 2005 г.

Польша – страна с мощными, многовековыми патриотическими традициями, с постоянным культивированием истории освободительной борьбы.

Польская национальная идея традиционно была прежде всего производным специфического геополитического места страны в Европе, которое известный польский драматург Славомир Мрожек определил как положение на восток от Запада и на запад от Востока. Польша испытала на себе все негативы географического и геополитического положения «рубежа», находясь в зоне влияния и дипломатических игр и прямых вооруженных конфронтаций соседей.

Муки становления польской нации и развития ее самосознания пришлось на исторический период, начатый в 60-е годы XVIII века реформами, прерванными в последнюю четверть того же века внешней агрессией. На этот период пришлось три раздела страны, и включивший в себя 123 года напряженной борьбы против смертельной опасности для существования польского народа, за свою государственность и независимость.

Когда Польша в конце XVIII века, прижав в унисон с Великой Французской буржуазной революцией реформаторскую Конституцию 3 мая 1791 года, инициировала важное историческое движение – формирование обусловленной развитием страны новой социально-политической системы, ее историческую роль на континенте снизили сговорившиеся между собой консервативные внешние силы, трижды поделив страну.

Польша возрождалась через национальные восстания XVIII–XIX веков и другие национально-освободительные акции, которые распространялись на все польские земли и выходили за их пределы, наполняя растущее национальное сознание апофеозом борьбы, культом вооруженного противостояния и годовщин битв, памятью национальных героев, которыми стали руководители освободительной борьбы Т.Костюшко, Я.Х.Домбровский, Ю.Понятовский, Р.Траугутт и другие, павшие с честью на поле брани, замученные в тюрьмах и ссылке ее участники.

Польские патриотические песни посвящены борьбе за независимость. Она эмоционально переполняет национальный гимн – Ма-

зурку Я.Х. Домбровского, создателя польских легионов времен разделов Польши на рубеже XVIII–XIX веков, будучи школой патриотизма и демократизма.

На слуху у каждого российского интеллигента первые строфы польского гимна – «Пока мы живы, Польша не погибла» («Jeszcze Polska nie zginęła, póki my żyjemy»), трансформированные в убежденность: «Польша никогда не сгинет, если таковы ее Дети» («Polska nigdy nie zginie, gdy ma takie dzieci»).

Суровым историческим наказом для многих поколений поляков, органической составляющей их национального сознания был вначале шляхетско-интеллигентский, а затем общенародный культ вооруженной борьбы, императив гражданской, патриотической обязанности «Биться за Польшу!», положить жизнь на алтарь Отечества, отдать ее за свободу и независимость Родины.

Как нацеленная на строительство будущего, эта ведущая национальная идея подпитывалась необычайно стойкими освободительными умонастроениями и идеологемами, неуклонно поддерживалась национальной классической литературой, прежде всего романтической поэзией А. Мицкевича и Ю. Словацкого, прозой Г. Сенкевича, искусством, общественно-политической мыслью, политической пропагандой, военными концепциями и т. д.²

В условиях постоянного противостояния польская пассонарность вопреки делившим народ границам «имела огромную привлекательную силу, способную не только стойко обороняться, но не менее эффективно наступать». Всепоглощающая национальная идеология борьбы за независимость мобилизовала народ с 30-х годов XIX века на жертвоприношения на иррациональном уровне, толкала на отчаянные порывы к свободе, неудачные патриотические акции, на безнадежные восстания, но мощно стимулировала ускорение обремененного многими трудностями и противостоявшего опасности складывания «трех польских наций» развития национального самосознания. Этот процесс в польских землях, где «нация создавалась над границами и наперекор им», шел несравненно сложнее, чем в Чехии, Румынии или Италии, но не менее результативно. Многие европейские народы (Франция XVIII века, Испания или Италия XIX века) со значительно меньшим процентом людей с развитым национальным сознанием, готовых бороться за свой народ, считали себя зрелыми нациями.³

В национальной идентичности поляков чувство достоинства, которое выражено у них значительно сильнее, чем у англичан, французов, испанцев или немцев (по интенсивности национальных чувств поляков опережают только ирландцы), заняло особо высокое место. Польский патриотизм, сформировавшийся в эпоху романтизма, в высокой степени отождествлялся с верностью национальной идее, с готовностью самоотверженно служить делу национального освобождения. В таком виде он поддерживался традицией в течение все-

² См.: Janion M. *Polski korowód // Mity i stereotypy w dziejach Polski. W-wa, 1991. Wrzesiński W. Polska mitologia polityczna XIX i XX wieku // Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. T.IX. Polskie mity polityczne XIX i XX wieku. Wrocław, 1994.*

³ Łepkowski T. *Polska – narodziny nowoczesnego narodu. 1764–1870. Poznań, 2003. S. 250, 253, 282.*

го XX века. При этом речь шла прежде всего о сохранении национальных ценностей и обретении собственного пути развития.

Рожденные в этой борьбе освободительный пафос и вольнолюбивые эмоции на грани одержимости связали национальную идею возрождения страны с особой, мессианской ролью на европейской арене, с ее «предназначением, почетно выделяющимся величием своей миссии».⁴ Сформировался всепоглощающий этос «Польша-мученицы», «восстающего из пепла свободолюбивого Феникса», «рыцаря Европы», «оплота христианства», «буревестника революции».

На рубеже XIX и XX веков и особенно перед воссозданием польского национального государства энергично эксплуатировались идеологемы и мифологемы исторического содержания, призванные воспитывать народ в духе мобилизации национальной идеи на дело интенсификации освободительной борьбы. В достижении этой цели свои усилия соединяли опирающиеся на формулу примата народа в отношении чуженационального государства политические партии и католическая церковь, используя идеологию национального солидаризма для вовлечения в массовую борьбу жизнестойких социальных низов как носителей национальной идеи. После разделов Польша отношение к институту государства стало сугубо негативным. Формирующаяся в условиях национальной зависимости нация воспринимала его как чуждый и враждебный.

Патриотическое воспитание *volens nolens* базировалось на своеобразии польской истории, на мобилизации нации на борьбу за освобождение от угнетения соседних государств, особенно Российской и Германской империй.

В лихолетье европейских и мировых войн геополитическое положение превращало польские земли в арену бесчисленных битв и пепелища, в разменную монету, жертву разделов, оккупаций и реквизиций, а польский народ – в объект национального угнетения и манипулирования.

После разделов в течение более чем двух столетий, с тридцатилетним перерывом на независимое существование, польское общество неуклонно боролось, легально и нелегально, поднимаясь на надежные восстания и выбирая путь революций, за свою главную цель – за свободное и самостоятельное государство, против царей, императоров и диктаторов, против навязанного «ограниченного суверенитета». Целые поколения были обречены на сизифов труд попыток защитить свое национальное достоинство и обеспечить себе нормальную, мирную жизнь.

С восстановлением независимого государства в 1918 г. освободительное содержание национальной идеи отошло на второй план, будучи заменено задачей консолидировать польское общество и реализовать концепцию лучшего будущего для всего народа, сплотив его вокруг национально-религиозных добродетелей и национально-исторических интересов государства под лозунгом «Бог–

⁴ Walicki A.
Trzy patriotyzmy.
Trzy tradycje
polskiego patriotyzmu i ich znaczenie
współczesne. W-wa,
1991. S. 51

⁴ Dmowski R. *Kościół, naród i państwo*. W-wa, 1990. S. 19.

* Grabski S. *Rzym czy Moskwa. Poznań – W-wa – Wilno*. 1927. S. 104. *Ocz. d'í: Wojdyło W. Funkcja mitu w koncepcjach wychowania narodowego // Europa orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza do współczesności*. Toruń, 1996. S. 543.

Честь–Отчизна». ⁵ Место Польши в мире воспринималось как рубеж между двумя цивилизациями, о чем национал-демократ С.Габский писал в книге «Москва или Рим» следующее: «Мир любви и мир ненависти, мир закона и справедливости – и мир не ограниченного никаким законом насилия./.../Мир божьих заповедей и мир безбожия. И один из них должен погибнуть. А на границе между ними – Польша». ⁶

Геополитическое положение этой страны менялось неодноразно, сообразно венскому и версальскому договорам, ялтинскому, а теперь и «брюссельскому» порядку.

За два десятилетия после воссоздания польского государства в 1918 г. польская национальная идея не успела получить нового полноценного наполнения. Интеграция за двадцать межвоенных лет польских земель в единый государственный организм потребовала больших усилий, уровень производства почти не превысил показатели 1913 г., а разрыв уровня производства на душу населения и уровня жизни с Западной Европой только увеличился. Межвоенная концепция национального развития в условиях «равной удаленности» от могучих соседей – СССР и Германии – оказалась контрпродуктивной и закончилась в 1939 г. очередным разделом страны.

Вторая мировая война нанесла огромный удар по экономике Польши, который был частично компенсирован передачей ей развитых Западных и Северных земель взамен за отсталые восточные воеводства.

После Второй мировой войны обогатившееся освободительное содержание польской национальной идеи трансформировалось, включив компонент радикальных социальных преобразований и прогрессивного общественного развития.

Однако в условиях утверждения в регионе авторитарных режимов и созданной ялтинской системой ситуации «двойного дна» оно не было свободно от неразрешимых противоречий, от отчуждения народа от власти. Поиски «польского пути к социализму» стоили В.Гомулке в 1948 г., в момент завершения послевоенного пародно-демократического периода, обвинений в «правонационалистическом уклоне» и нескольких лет тюрьмы – до самой «оттепели» 1956 г.

После периода экстенсивного развития 50–60-х годов и неудачной попытки модернизации за счет западных кредитов и импорта технологий в 70-е годы наступил длительный регресс, с 1979 г. резко увеличив отставание страны от Западной Европы. Эти проблемы проявлялись в череде кризисов, особенно в период 1980–1991 гг. Саморазрушение шаблонизированного «реального социализма» как, в частности, результат недостаточного учета им специфики и национальных перспектив развития, убедительно показало, что этот строй не полностью соответствовал конкретным условиям и возможностям бывшего «социалистического содружества». Это

«было результатом не последнего десятилетия, а целой полувековой тоталитарной деградации».⁷

Польское общество искало формы дальнейшего прогрессивного развития на пути коренного демократического преобразования с учетом своей национальной специфики.

На заключительном этапе «холодной войны» польский народ, объединившийся в начале 80-х гг. в уникальное пассионарное анти-тоталитарное движение «Солидарность», приступил к верификации своей национальной идеи. Это общенациональное демократическое движение, охватившее 10 из 14 миллионов трудящихся Польши, сплотилось вокруг идеи Свободной и Самоуправляющейся Польской Речи Посполитой. Эта идея предполагала ликвидацию тоталитарного режима и превращение людей труда в хозяев своей страны. Управленческая бюрократия должна была им подчиниться. Самоуправлению предстояло утвердиться и в экономике. Оно закреплялось в постановлениях Круглого стола 1989 года и в последующих законодательных актах.

Однако идея самоуправляющегося государства не смогла получить развития, и не только из-за ее очевидной утопичности. Курс реформ на рубеже 90-х гг. сформировался как многовекторный, что ускорило качественные мутации общенациональной идеи. Антагонизировавшееся общество разделилось на два лагеря с разными представлениями о национальных задачах, с противостоящими вариантами национальной идеи: выработанным правыми лидерами «Солидарности» неolibеральным и переживавшим кризис «постсоциалистическим». Победившая правая элита во главе с Л.Валенсой, отвергнув концепции и конструкцию «партии-государства», заодно отбросила под флагом «нулевого государства» хозяйственные, организационные, внешнеполитические и прочие государственные функции, необходимые для проведения в жизнь национальной идеи ускорения развития страны и выхода из кризиса.

Уже в конце 80-х гг. возникла еще одна ключевая для польского общества концепция – «возвращения в Европу». Ее автором был глава первого правительства реформаторов проф. Т.Мазовецкий. Стремясь к быстрейшему подключению к благополучной интегрированной Западной Европе, чтобы ускорить выход из кризиса, польские неolibералы выбрали ориентацию на западные ценности, на рыночную экономику и демократию, определили присоединение к еврообществу в качестве приоритетного направления своей деятельности и подписали первое соглашение о сотрудничестве с ним.

В июле 1989 г. парижский саммит наиболее развитых стран (Группа G-7) принял решение об оказании Польше и Венгрии помощи для осуществления политической и экономической трансформации, что воспринималось как гарантия реализации новой польской национальной идеи – превращения страны в составную часть Запада

⁷ *Do Unii Europejskiej? – ankieta.*
Jan Kieniewicz // *Arkana.* 2003. № 1. S. 20.

с его гражданскими свободами и высоким уровнем жизни. 16 декабря 1991 г. произошло оформление Европейским договором ассоциированного членства Польши в ЕС. «Идея включения Польши в процесс европейской интеграции была мотором реформ, проводимых в течение более чем десяти последних лет»⁸, – констатировала газета «Пульс бизнеса».

Сначала будучи чисто идеологической конструкцией, эта идея довольно быстро получила широкий резонанс в обществе, нашла конкретные выходы в политическую жизнь и легла в основу целостной стратегической концепции развития страны, в энергичное стимулирование вложения сил общества в это будущее. В общественном сознании проходила дальнейшая эволюция содержания национальной идеи, о внешнеполитическом аспекте которой известный правый политик Б.Геремек написал следующее: «Новое объединение Европы было с неизбежностью связано с преодолением того, что осталось в наследство от Ялты, с обеспечением мира, безопасности, демократии и развития. Насколько сама идея «возвращения» отражала идеализацию видения Европы, объединенной общими ценностями и наследством, настолько ее практическим выражением было желание присоединиться к процессу европейской интеграции, успешно завершившейся в западной части континента».⁹

Правые увидели во вхождении в Европу долгожданную перспективу национального освобождения, отметили сложившуюся за предшествующие десятилетия идеологию «социалистического сотрудничества», в том числе ее составляющую – догматизированную концепцию интернационализма. Не оно, а «реальная Европа», по словам преемника Геремека на посту министра иностранных дел В.Бартошевского, стало восприниматься как «полюс притяжения для всех стран, которые стремятся к увеличению темпов развития и компенсации цивилизационного запоздания».¹⁰

Как считает «Пульс бизнеса», «эффективное ведение переговоров о присоединении не было бы возможно без выполнения Польшей ряда внутренних условий – прежде всего сохранения постоянной общественной поддержки идеи членства в Евросоюзе, что не было бы возможно без приоритетного подхода к проблеме членства в ЕС со стороны сменявшихся польских правительств, независимо от политической ориентации, которую они представляли».¹¹

В соответствии с новой национальной идеей действительно все польское общество становилось движущей силой реформаторских процессов. Установка, гласящая, что общей целью польского народа является вступление в ЕС, была взята на вооружение всеми акторами политической сцены. Идеологическое противостояние постепенно изживало себя.

Проблема обеспечения безопасности Польши как одного из средних европейских государств, остающегося в глобализирующемся мире в зоне интересов более мощных соседей, традиционно

⁸ Pochłopiń J. *Geneza oraz przebieg procesu negocjacji o członkostwo Polski w Unii Europejskiej // Puls Biznesu. 19 grudnia 2002.*

⁹ Geremek B. *Polski głos o Europie // Rocznik polskiej polityki zagranicznej 2002. S. 11.*

¹⁰ Bartoszewski Wl. *Wizja i możliwości. O nowy kierunek w integracji europejskiej. Przemówienie wygłoszone w Centrum Studiów Polityki Europejskiej. Bruksela, 25 lipca 2000 roku. // www.futurum.gov.pl.*

¹¹ Pochłopiń J. *Op. cit.*

¹² Kowalski J. *Mądry Polak po szkodziu // Życie. 26.11. 2002.*

оставалась в центре внимания польского общества. Будущее в контексте «пребывания в сфере неопределенной военной и экономической безопасности» рисовалось беспокояще неясным.¹²

Поиски стабильной опоры привели Польшу в Североатлантический союз. Польское общество, его ведущие политические силы проникались «идеями исторической необходимости» интеграции в НАТО, «абсолютной неизбежности этого процесса». Любые опасения перекрывало принимавшееся с оптимизмом расширение комплекса внешнеполитических – военных, дипломатических, внешнеторговых и других функций польского государства в сфере международных отношений, укрепления разнообразных связей со странами Запада и Востока. Как свидетельствует известный деятель Союза демократических левых сил (СДЛС) проф. Е.Вятр, все польские политические силы оказались готовы к такому повороту курса.¹³

2 февраля 1994 г. Польша скрепила подписью своего премьер-министра обязательства рамочного документа «Партнерство ради мира», принятого Советом Североатлантического союза в Брюсселе 10–11 января 1994 г. Она заявила о решимости добиваться полноправного членства в НАТО, смысл которого отливался в идейно-политический стереотип как органичную составную часть польской национальной идеи. Принимая 1 августа 1997 г. решение в связи с приглашением Польши на мадридском саммите к переговорам об этом членстве, Сейм РП трактовал его «выражение того, что история перечеркнула послевоенный раздел Европы» и «вместе с этим предложением перед Польшей, которая перенесла в истории такие тяжкие страдания, открывается перспектива прочных гарантий мира, безопасных условий развития польского народа и государства».¹⁴

В парламентских дебатах по случаю ратификации принятия Польши в НАТО 20 ноября 1998 г. министр иностранных дел Б.Геремек так определял значение этого «бесповоротно закрывающего эпоху Ялты» события: «После исторических бурь последних столетий для Польши этот шанс означает безопасный порт». Польская национальная идея, ориентирующая на благополучное будущее страны, связывалась в выступлении Геремека с убежденностью в том, что новый международный порядок «не может опираться на баланс страха, базироваться на концепции равновесия сил и навязанных силой сфер влияния», что с мобилизацией собственных усилий удастся «гарантировать, чтобы место Польши в Европе и регионе не детерминировалось призраками прошлого, ее роковым расположением между Германией и Россией или тоталитарным диктатором».¹⁵ Так вхождение в НАТО было встроено в логический ряд польских освободительных традиций.

При ратификации 17 февраля 1999 г. Североатлантического договора Сенат РП подтвердил с теми же акцентами соответствие

¹³ *Wiatr J.J.*

Socjaldemokracja wobec wyzwań XXI wieku. W-wa, 2000.

S. 127;

www.msz.gov.pl.

¹⁴ *Uchwała Sejmu RP z dnia 1 sierpnia 1997 r. w sprawie zaproszenia Polski do rozmów o członkostwie w Sojuszu Północnoatlantyckim (MP. N 50, poz. 474) // www.bbn.gov.pl.*

¹⁵ *www.msz.gov.pl.*

вступления Польши в НАТО воле польского общества, его стремлению к добрососедству и реализации принципов уважения прав человека, свободы и демократии, «невозможность реализации которых вытекала из навязанного после второй мировой войны строя и геополитических реалий».¹⁶

¹⁶ *Uchwała Sejmu RP z dnia 1 sierpnia 1997 r. w sprawie zaproszenia Polski do rozmów o członkostwie w Sojuszu Północnoatlantyckim.*

Выступая в той же связи 26 февраля по телевидению, президент А.Квасьневский подчеркивал: «Наши народы упорно напоминали об этих ценностях даже в погруженной во мрак послеялтинской системе: в варшавском Октябре, в трагедии Будапешта 1956 г., во время «Пражской весны» в 1968 г., в порыве польской «Солидарности» в 1980 г. Сегодня мы у цели».¹⁷

¹⁷ *Wystąpienie telewizyjne Prezydenta RP A.Kwaśniewskiego z okazji ratyfikacji aktu przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do NATO, 26.02 1999 r. // www.bbn.gov.pl.*

Выработка новых ориентиров означала преодоление ряда противоречий в сознании общества и достижение национального примирения. Отметим в этой связи важную констатацию Геремеком в Сейме того, что пятилетний путь в НАТО «стал предметом консенсуса всех значимых политических сил страны. Что важно – предметом консенсуса всех институтов общественной жизни, а что еще важнее – предметом национального согласия, соглашения редко встречающихся масштаба и силы».¹⁸ Возникло «согласие над разделением»: разномастная оппозиция принимала участие в принятии решений и взятии на себя ответственности за деятельность в международных организациях и вступление в НАТО во время существования и правого, и левого правительств.

¹⁸ *www.ms.gov.pl.*

На основе национального согласия продолжалась и подготовка к присоединению к ЕС. В сознании польского общества все прочнее утверждалось представление, сформулированное постоянным представителем РП при Европейском сообществе в ранге посла (1990–1996 гг.), а с 28 марта 1998 г. руководителем переговорной группы Я.Кулаковским следующим образом: «Если бы не вторая мировая война и разделение сфер влияния в Европе, не установленный в Ялте порядок, перечеркнувший возможность нашего участия в создании нового европейского лада, мы были бы со всей определенностью с самого начала вовлечены в процесс европейской интеграции... Наше стремление к членству в Европейском союзе означало возврат в наши естественные цивилизационные рамки, соответствующие нашей истории и национальной идентичности».¹⁹

¹⁹ *Kulakowski J. Unia Europejska jest dla nas wyzwaniem i szansą // Rocznik polskiej polityki zagranicznej. 2002. S. 36.*

Польская национальная идея продолжала обогащаться, по-прежнему объединяя общество, нацеливая его на поиск оптимального коллективного выхода из глубокого кризиса и нахождение возможностей обеспечить соответствующую возможностям рубежа XXI в. достойную жизнь. Эта идея вновь духовно и политически связывала народ, формировала чувство принадлежности к единой национальной семье, стремление засвидетельствовать причастность личности к национальному сообществу в рамках Европы, ощущение европейских гарантий благополучного будущего, сплавивающие всех поляков.

С демократической политизацией общества соотношение идеологических и политических аспектов польской национальной идеи менялось. Если раньше традиционно превалировали свойственные авторитарному государству идеологемы, то на рубеже XXI века в значительной части общества развивалось, укреплялось и обогащалось новыми элементами политическое сознание. Как отметила член Фонда «Польша в Европе» Э.Скотница-Илласевич, «закрепленные традицией минувшей половины века разделительные линии, прочерченные «тоской по» либо «отрицанием» прежней эпохи, довоенной или социалистической, опытом коммунизма или отношением к религии и церкви, стираются и теряют смысл».²⁰ Приходит новое поколение, и «поляки адресуются к будущему, а не к прошлому, смотрят «вперед», а не «назад», а от их отношения и ментальности зависит, что возьмет верх – «политические и экономические соображения или идеологические эмоции».²¹

Проведенные в середине 90-х гг. в Институте философии и социологии Польской Академии Наук в рамках проекта «Социальная дифференциация канона национальной культуры новой политической элиты» исследования показали, что в глубинных слоях ментальности польских политиков независимо от политической ориентации устои традиционной национальной идеи, каноны исторического сознания закреплены в высшей степени прочно и, создавая «национальный монолит», упорядочивают пласты сознания. Они идентифицируются прежде всего «не с миром и Европой, не с классом и региональными и локальными интересами, но с народом (нацией) и государством...», но с национальным сообществом, с национальным опытом и традициями вплоть до традиций вооруженной борьбы и самопожертвования во имя национальных интересов.²²

В Конституции страны польские политики ставят на первое место патриотизм и традиции, а не юридическую и политическую эффективность. Наконец, как оказалось, они в большей степени руководствуются опытом истории и национальными стереотипами своей страны, чем универсальными – христианскими, общеевропейскими и т. д., «даже если государственные и универсальные стереотипы доминируют в программах партий».²³

Это отнюдь не помешало рождению у поляков на политико-прагматическом, более поверхностном уровне, «в иных геополитических и цивилизационных условиях ощущения новой идентичности, в том числе национальной», а также появлению «непосредственно укорененных в действительности, уже лишенных безусловной гегемонии национальной идеи» различных гибридных, энигматичных, напоминающих калейдоскоп форм восприятия.²⁴

В польском обществе все быстрее прогрессировало осмысление сочетания концепции суверенитета и «европейской идеи» как стимула выхода страны из кризиса, перспектив обеспечения ее оптимального развития, объединение народа вокруг идеи «европейской

²⁰ Skotnicka-Illasiewicz E. *Wizje integracji europejskiej w opiniach parlamentarzystów. Mentalnościowe uwarunkowania problematyki integracyjnej // Polska w Europie. № 38, grudzień 2001.*

²¹ *Ibidem.*

²² Kurczewska J. *Patryotyzm(y) polskich polityków: Z badań nad świadomością liderów partyjnych lat dziewięćdziesiątych. W-wa, 2002. S. 45-53.*

²³ *Ibidem.* S. 50, 55.

²⁴ *Ibidem.* S. 23, 276, 277.

сущности» Польши, ее «возвращения в Европу» как комплекса стабилизирующих ситуацию факторов, чему отнюдь не мешали колебания политического маятника. Пришедшие к власти в 1993 г. левые равным образом взяли на вооружение «установки европеизма» и продолжили подготовку страны к интеграции в еврообщество. Она стала трактоваться как «великий национальный проект».

Все польские правительства считали и считают ее не только воплощением национальной идеи, но и приоритетом своей политики. Присоединение к НАТО и курс на вхождение в ЕС были восприняты большинством сил политической сцены как определяющий фактор защиты национальных интересов. Возобладала установка на широкое укоренение в обществе новой национальной идеи и инструментальное использование ее конструктивного воздействия как мощной движущей силы решения национальных задач.²⁵ Правда, симптомы согласия нередко весьма поверхностны, поскольку подспудно тлеют очаги расхождений по поводу способов и темпов реализации интеграционной программы.

В польской национальной идее, как подчеркивают ее новые идеологи, важное место заняло понимание того, что Польша вошла в XXI в. как страна, отвечающая критериям современности и играющая в объединенной Европе весомую роль. Нацию сцементировала важная идейно-политическая задача – постоянно чувствовать себя важной составной частью Евросоюза и доказывать свою роль значимого партнера его членов. Амбиции Польши в этой области, по свидетельству Я.Кулаковского, весьма велики: она «не хочет быть пассивным наблюдателем перемен в объединяющейся Европе»²⁶, старается влиять на их направления, рассчитывает активно включиться в оформление новых принципов и правил его функционирования, в процедуры принятия решений, и тем самым воздействовать на формирование современной Европы. Страна намерена вносить «свежий взгляд на аксеологию интеграции, вырастающий, правда, из тех же европейских ценностей, но обусловленный другим историческим опытом».²⁷

В общественном мнении прочно утвердилось чувство гордости по поводу того, что Польша является примером перехода к демократии и рыночной экономике, моделью трансформаций в регионе. что она займет должное, полагающееся ей «место не просителя, но партнера, принимающего участие в принятии решений, которые касаются облика избавившейся от разделения на Восточную и Западную Европы, общей для всех».²⁸

В декабре 2000 г. в Ницце министр иностранных дел В.Бартошевский приветствовал признание особой ответственности Польши за развитие отношений с восточными соседями и поддержку реформ в регионе Центрально-Восточной Европы.²⁹ Польское руководство увидело национальную миссию в передаче пионерского опыта пре-

²⁵ Geremek B.
Op. cit. S. 13, 16.

²⁶ Kulakowski J.
Op. cit. S. 37.

²⁷ Bartoszewski Wl.
Wizja i możliwości.

²⁸ Kulakowski J.
Op. cit. S. 40–41.

²⁹ Traktat z Nicei –
polski punkt widzenia.
Warszawa, 15 lutego 2001 roku.
Przedmowa ministra
Wl. Bartoszewskiego //
www.futurum.gov.pl.

образований и поддержке инициированных ею рыночных и демократических перемен, становления правопорядка и развития гражданского общества в регионе, а также в роли связующего звена между Западом и Востоком Европы³⁰, в создании структур сотрудничества на региональном и субрегиональном уровне и с нечленами ЕС.

Таким образом, польская национальная идея включила в себя постулат ключевой роли страны в доминантном региональном образовании в Евросоюзе и вне его. В Бартошевский обрисовал проблему нового качества взаимоотношений с восточными соседями следующим образом: «Мы теперь открываем их заново и учимся ценить. Ибо только в беседе с ними, глядя их глазами, можно дать правильный ответ на вопрос о собственной идентичности. Я считаю, что это один из самых содержательных выводов, какие мы сделали после перелома 1989 г.»³¹

За декларированием позиций последовала проработка их стратегических измерений. В отношении России было предложено сохранение и укрепление сотрудничества и поддержка ее усилий по сближению с Европой, исключая русофобию и любые вербальные проявления антироссийскости.³² Польские элиты разной ориентации с переменным успехом пытаются преодолеть предубеждения и негативный баланс общей истории («как в сознании поляков, так и в восприятии русских, белорусов и украинцев») путем совместного выяснения исторической правды и вытеснения отрицательных этнических гетеростереотипов (то есть свойств, относимых к другим народам). Они стараются сгладить «этноцентрические установки в общественном сознании» и «травмирующий аспект исторической памяти».³³

Что касается урегулирования польско-германских отношений, в европейской конфигурации, где для Польши ФРГ уже не представляет как часть ЕС прежней угрозы, важное значение придается их новым аспектам: примирение и согласие дают обеим странам шанс стать связующим элементом объединенной Европы, а не полем векоубийственных конфронтаций.³⁴

Осенью 2001 г., в период очередного смещения политического маятника влево и нового прихода к власти левых, убежденных в отсутствии на данном этапе альтернативы для ускоренного развития страны, подготовка Польши к вступлению в ЕС была интенсифицирована.

Во время слушаний в Национальном собрании 22 ноября 2001 г. руководитель Комитета по проблемам европейской интеграции в ранге министра Д. Хюбнер решительно отвергла утверждения об ослаблении польской идентичности со вступлением в ЕС.³⁵

18 февраля 2002 г. в Варшаве с участием президента, парламентариев, представителей правительства, самоуправления, неправительственных организаций, социальных партнеров, церкви и научных кругов был проведен форум «Вместе о будущем Европы».

³⁰ *Proces integracji a rola Polski w Europie Środkowej i Wschodniej. Przemówienie ministra spraw zagranicznych RP Wł. Bartoszewskiego podczas II Konferencji szefów niemieckich przedstawicielstw zagranicą.. 3 września 2001 r., Berlin. // www.futurum.gov.pl.*

³¹ *Ibidem.*

³² *Kamiński A. Op. cit. S. 234–235.*

³³ *Возлевиц Вл. Что мешает нашему диалогу? // Новая Польша. В-ва. 2002. № 11. С. 45–48.*

³⁴ *Bartoszewski Wł. Wzywania i dylematy. Polacy i Niemcy w kształtowaniu przyszłej Unii Europejskiej. Przemówienie wygłoszone na Uniwersytecie w Marburgu po uroczystości przyznania tytułu doktora honoris causa. Marburg, 29 czerwca 2001 roku. // www.futurum.gov.pl.*

³⁵ *Przesłuchanie P. D. Hübner, sekretarza stanu w MSZ RP, w ramach przesłuchań na temat przyszłości Europy // Zgromadzenie Narodowe. Delegacja do spraw Unii Europejskiej. Sprawozdanie numer 167. Zebranie dn. 2 listopada 2001.*

Президент А.Квасьневский выступил на форуме как последовательный носитель национальной идеи вступления Польши в Евросоюз, пропагандист ее конструктивного потенциала и его скорейшего использования для нужд польского государства и общества. Он сделал упор на важность идеологического обоснования необходимости быстрого присоединения к ЕС, поскольку будущее нации определяют прежде всего не власть и элиты, а граждане страны: «успех должен стать реальностью прежде всего в умах людей»: «Дискуссия о будущем Европейского Союза является дискуссией о наших амбициях, надеждах, планах и мечтах, о том, какое место будут занимать в объединенной Европе Польша и поляки». «Задача нашего поколения, – суммировал А.Квасьневский, – вписать Польшу в европейское сообщество. Пусть это будет делом всего народа и принесет ему сатисфакцию».³⁶

³⁶ *Wystąpienie Prezydenta A. Kwaśniewskiego podczas inauguracyjnej sesji Forum «Wspólnie o przyszłości Europy»*. 18 lutego 2002 // www.futurum.gov.pl.

Продолжив линию обоснования новой национальной идеи, премьер-министр Л.Миллер процитировал писателя К.Ижиковского, который утверждал, что «каждое новое поколение имеет право на беспощадный пересмотр патриотических ценностей: таким способом возрождается патриотизм».³⁷

³⁷ *Wystąpienie premiera L. Millera podczas inauguracyjnej sesji Forum «Wspólnie o przyszłości Europy»* // www.futurum.gov.pl.

Распространению идейных установок «европеизма» способствовала и польская католическая церковь, играющая роль властительницы дум значительной части общества и откликнувшаяся на призыв поддержать новую национальную идею обращением пленарного заседания епископата «Польские епископы о европейской интеграции» от 21 марта 2002 г.³⁸

³⁸ *Biskupi polscy wobec integracji europejskiej* // www.futurum.gov.pl.

Общественные дебаты вокруг перспектив присоединения к Евросоюзу особенно интенсифицировались в последние недели перед декабрьским саммитом в Копенгагене, когда сопоставлялись опасения, связанные с возможной потерей страной суверенитета, и материальные выгоды интеграции, ответственность перед будущими поколениями и патриотические обязанности, а также первоначальные потери экономики.

По мере продвижения в Евросоюз наметились прогресс в области национального согласия, складывание вокруг польской национальной идеи нового, пока в значительной степени тактического объединения весьма раздробленного спектра политических сил и различных слоев интеллигенции.

11 ноября по инициативе краковских профессоров более 200 представителей мира политики, науки и культуры подписали «Вавельское обращение». Оно призывало соотечественников «поддерживать идею объединенной Европы и голосовать за вхождение Польши в Европейский Союз»: «В настоящий момент это важнейшее для нашего отечества дело. Нам нельзя пренебречь этим историческим шансом и утратить его».

С правого фланга политической сцены прозвучало заявление проф. Т.Мазовецкого, который констатировал, что накануне вступ-

ления в ЕС противостояние обостряется, но «обе исторические опции должны вместе ввести Польшу в Евросоюз», а взаимные обвинения в непатриотизме непродуктивны: тактические или технические решения не должны измеряться такими категориями, ставя под сомнение верность национальной идее.³⁹

По инициативе лидера правой партии «Право и справедливость» Я. Качиньского в начале декабря состоялась встреча ряда влиятельных политиков и ученых разной ориентации. Были впрямую сопоставлены два сформировавшиеся в польском обществе подхода – провидчески-перспективный, сориентированный на скорейшую интеграцию и будущие преимущества пребывания в рамках Евросоюза, а с другой стороны – «реалистический», ставящий под сомнение целесообразность быстрого вхождения в ЕС на предлагаемых условиях, поскольку оно не повлечет за собой немедленного опережающего развития, а при некоей стабильности законсервирует стагнацию и сохранит на неопределенное время риски и трудности.

Этот подход отразился на динамике настроений населения, приведя к некоторому падению рейтинга интеграции: 56% анкетированных Центром исследования общественного мнения были за нее, а 24% – против. Опрос показал, что будущее с ЕС связывают прежде всего ориентирующиеся на прогресс, на европейские перспективы образованные городские слои общества и молодежь: 77% среди лиц с высшим образованием, 65% со средним и 52% со средним специальным. В больших городах были готовы поддержать присоединение к нему 75%, в деревнях – 50%.⁴⁰

Я. Качиньский был склонен, учитывая политическую конъюнктуру, повременить с вхождением в ЕС. Бывший лидер леворадикального Союза труда Р. Бугай, со своей стороны, настаивал на перенесении тяжести решения вопроса на широкие слои общества.

«Евроэнтузиасты» – представители элиты различной ориентации, в свою очередь не отрицая важности отстаивания более благоприятных условий присоединения, посчитали ситуацию достаточно приемлемой и энергично защищали концепцию ускоренной интеграции, подкрепляя ее геополитическими аргументами.

Министр канцелярии премьера Т. Ивицкий высказал сожаление по поводу недооценки оппонентами долгосрочных целей вместо восприятия будущего с позиций общих интересов стран-кандидатов, 15 членов Евросоюза и всей Европы. Он парировал заявление об угрозе превращения Польши в государство «второго сорта» аргументом, что без Польши «новое объединение Европы» «не создало бы нового качества...».

Депутат от «Гражданской платформы» Я. Левандовский перечислил критерии, которым невозможно соответствовать вне Евросоюза: если Польша не войдет в ЕС, она не сможет участвовать в выборах в Европарламент, не получит права голоса при выработке договора о будущей форме ЕС, бюджета на 2007–2013 гг., потеряет

³⁹ *Dwie Polski do Unii. Z T. Mazowieckim rozmawia J. Kurski // Gazeta Wyborcza. 29 listopada 2002.*

⁴⁰ *Kto za integracją // www.securities.com.*

⁴¹ *Polska – Unia: Bruksela czy Mińsk? Okraghy stół «Rzeczpospolitej» // Rzeczpospolita. 4 grudnia 2002.*

политический вес и роль «главного разыгрывающего на поле центрально-европейской политики».⁴¹

Спикер Сейма М.Боровский предложил учитывать перспективы экономического роста, вливания ипостранных инвестиций, обеспечения экономической безопасности, политического веса в качестве «значимого партнера в игре за будущее Союза и собственное», без чего страна «не будет иметь никакого влияния на что-либо». Поскольку при невхождении в ЕС «огромная часть хозяйственных, финансовых вопросов, касающихся нашей страны, будет решаться за нашей спиной и без нашего участия», именно это, по мнению сенатора-либерала А.Веловеяского, будет равносильно радикальному ухудшению положения страны и потере ею суверенитета.

В этой дискуссии важно отметить педалирование задачи привлечения мощного потенциала новой национальной идеи. В выступлении Я.Левандовского прозвучали опасения относительно ее подрыва, потери стержня национального развития в случае негативных итогов референдума, которые принесли бы «вредоносные результаты для польской коллективной психики». Продолжая эту мысль, бывший руководитель польской секции радио «Свободная Европа» проф. З.Найдер предостерегал: «Те, кто пугают нас Евросоюзом, углубляют негативное самосознание поляков, ибо внушают им, что они не справятся. Это очень опасное обострение наших комплексов».

В обсуждении превалировала мотивация активного использования благоприятных обстоятельств для ускорения развития страны и укрепления ее позиций в ЕС. Нацеливая на сплочение и мобилизацию нации, Т.Ивиньский убеждал участников дискуссии: «Ведь мы плывем в одной лодке. Т.Мазовецкий справедливо сказал, что если Польша войдет в ЕС, это станет успехом как лагеря «Солидарности», так и лагеря левых сил», получив почти такое же количество голосов, как и Испания. Польша будет «играть среди 25-ти ключевую роль как одно из пяти-шести самых крупных государств».⁴²

Географическое и геополитическое положение Польши породило проблему ориентации в геополитическом аспекте – выбора между Западом и Востоком или разумной альтернативы обогащения за счет того и другого. И если З.Бжезиньский хотел бы представить Польшу в виде традиционного щита, буферной региональной зоны, фронтовой «страны-стержня регионального сотрудничества независимых государств Центральной Европы», отгораживающей Россию от западных стран, выдвинутого на Восток бастиона Запада⁴³, то такие теоретики внешней политики Польши как Ю.Мерошевский и Е.Гедройч настаивали на отказе от ориентиров и ментальности прошлого, на изменении подхода к давним восточным окранным Польши и превращении ее в мост между Востоком и Западом.⁴⁴

По мнению ведущего левого экономиста Г.Колодко, «историческое счастье Польши» состоит в том, что она может строить

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Byzeziński Z. Polska przyszości // Tygodnik Powszechny. 11 lipca 1999.*

⁴⁴ *Mieroszewski J. Finał klasycznej Europy // Lublin, 1998; Giedroyć J. Sto lat polskiego losu // Rzeczpospolita. 31 grudnia 1999; idem. Niezależność nie jest łatwa // Zdzanie. 2000. № 1–2.*

стратегию развития на своем положении в ЕС и соседстве «с динамично развивающейся экономикой России и входящей в фазу роста Украиной».⁴⁵

Добавим в хор голосов польских политиков и ученых высказывания молодых граждан Польши. Среди школьной и студенческой молодежи были проведены многочисленные опросы, собраны высказывания о влиянии глобализации и интеграции в Евросоюз на судьбы поляков, о шансах на сохранение или потерю ими национальной идентичности.

Как и все население страны, представители этой среды разделились на евроеалистов, евроэнтузиастов и евроскептиков, с явным и значительным преобладанием двух первых категорий, считающих поляков в прошлом и в настоящем важным звеном европейского сообщества и видящих в интеграции единственную гарантию развития страны.⁴⁶

Анализ результатов обследования студентов факультета журналистики и политических наук Варшавского университета показал, что они, проявляя прочную привязанность к национальному обществу и его традициям, нацелены на будущее и увидели себя в нем носителями национальной идеи, национальных задач – одновременно с самореализацией в европейских структурах как граждан Европы, не теряя при этом собственной идентичности и демонстрируя миру достоинства и возможности собственной страны.⁴⁷

Студенты настаивали на том, что «проблематика национальной идентичности особенно важна. Важно, чтобы в этом новом мире, нацеленной на интеграцию и унификацию, следуя общей тенденции, одновременно не потерять своей личности. Вступая в Европейский союз, мы не можем потерять чувство польскости, понимание собственных национальных корней. Национальная идентичность – это то, что дает чувство принадлежности к определенному сообществу, это есть, что определяет человека».⁴⁸

Представители молодежи не забывали подчеркнуть, что эпитафией к их дальнейшей деятельности должна быть первая строфа национального гимна: «Пока мы живы, Польша не погибла» («Jeszcze Polska nie zginęła, póki my żyjemy»), а польские корни, «как и корни других народов, должны быть равноценными кирпичиками единого фундамента» Европы.⁴⁹

Они поняли, что Евросоюз – «это только шанс», в ЕС за них никто ничего не сделает и только после огромных собственных усилий они «войдут в Европу с поднятой головой» и добьются всестороннего развития своей страны «в духе ценностей западноевропейской цивилизации».⁵⁰

Во время опросов 63% из числа учащихся последних классов средних школ и профессиональных училищ высказали желание выехать на Запад, с тем, чтобы там реализовать свои планы, а затем

⁴⁵ Kotoldko G. Najbliższe ćwierćwiecze // Dziś. 2001. № 11. S. 26; «Wymiar wschodni» UE jako szansa polskiej polityki // http://dziennik.pap.com.pl.

⁴⁶ Ja – moje korzenie w Jednoczącej się Europie i globalizującym się świecie. Wybór wypowiedzi autobiograficznych studentów WDiNP UW. W-wa, 2003; Jestal J. Tożsamość narodowa Polaków. Na przykładzie młodzieży południowo-wschodniej Polski. Rzeszów. 2001.

⁴⁷ Ja – moje korzenie. S. 13, 18.

⁴⁸ Ibidem. S. 51.

⁴⁹ Ibidem. S. 47.

⁵⁰ Ibidem. S. 27.

вернуться обратно, а эмигрировать на постоянной основе намерены 15% (безработица в Польше достигает 20%).⁵¹

⁵¹ *Ibidem.* S. 53.

Среди молодежи распространилось мнение, что нация должна быть едина в отношении вступления в Евросоюз, поскольку вне его Польша обречена на маргинализацию, между тем как необходимо добиваться того, чтобы в дискуссии о будущем ЕС был бы «слышен голос Польши»: «Мы не можем себе позволить, чтобы еще раз был реализован так хорошо известный из нашей истории принцип: “о нас без нас”».⁵²

⁵² *Ibidem.*
S. 167–169.

Завершение на саммите в Копенгагене 12–13 декабря 2002 г. переговоров о членстве Польши в ЕС с удачным для нее согласованием условий приема было оценено многими польскими лидерами и печатью как «увенчание многолетних усилий польского общества в пользу интеграции в ЕС».⁵³ Начался новый этап мобилизации общества вокруг подготовки предвещающего ее референдума, намеченного на первую половину июня 2003 г.

⁵³ *Pochłopiń J.*
Op. cit.

Руководство самых массовых политических партий отреагировало на новую задачу положительно. Генеральный секретарь СДЛС М.Дыдух заявил о намерении «охватить все круги, одобряющие интеграцию Польши с ЕС – от президента А.Квасьневского через неправительственные организации до отдельных лиц, – чтобы создать максимально широкий спектр поддержки этой идеи», «дабы электрот всех проевропейских партий, от правых до левых, слышал в этом деле их единый голос». Партия наметила объединить избирательную кампанию и подготовку к референдуму, а при выработке программы «приспособить ее к реалиям Евросоюза».⁵⁴

⁵⁴ *Ibidem.*

Вице-премьер, лидер Польской крестьянской партии Я.Калиновский рекомендовал ее руководству дать позитивную оценку результатов саммита, что гарантировало улучшение итогов голосования.

Весьма значима была позиция «Солидарности». Ее лидер Я.Снядек подчеркнул, что проевропейская ориентация восходит к действиям отражающего настроения всего общества профсоюза, а его руководство «готово сделать все, чтобы миллион членов принял участие в референдуме».

Несколько небольших партий, возникших на базе «Солидарности», решили противодействовать радикальным противникам интеграции и выступили 15 декабря с концепцией создания гражданского движения во имя присоединения Польши к ЕС. В своей «Хартии будущего» они назвали его «выбором лучшего будущего и близкой в культурном отношении цивилизации», направив предложение о сотрудничестве лидерам «Гражданской платформы» и «Права и справедливости». Эту инициативу поддержали Л.Валенса, Т.Мазовецкий, Я.Новак-Езераньский и др.⁵⁵

⁵⁵ *E.O., M.D.Z., F.G.,
Z.L. Mobilizacja
przed referendum //
Rzeczpospolita.
16 grudnia 2002.*

Вскоре после Копенгагена, 16 декабря 2002 г. Центр международных отношений провел вместе с Фондом К.Адепауэра симпозиум

⁵⁶ «Wymiar wschodni» UE jako szansa polskiej polityki // <http://dziennik.pap.com.pl>.

⁵⁷ Tomczak M. Refleksje o patriotyzmie polskim w przedzień wstąpienia do Unii Europejskiej // Przegląd Zachodni. 2003, № 1. S. 170-171.

⁵⁸ Kwaśniewski A. Wracamy na swoje miejsce // Gazeta Wyborcza. 10 czerwca 2003.

о «восточном измерении» как «идея фикс», прочном элементе и шансе польской политики в рамках ЕС.⁵⁶

Таким образом, польская политическая элита провела основательную подготовку к референдуму, в то же время понимая, что история Польши, по справедливому замечанию М.Томчак, не закончится со вступлением в ЕС. Этой стране предстоит преодолеть прежний комплекс неполноценности, избавившись от идеализации своего облика и не теряя при этом собственной идентичности, национальных традиций и культуры. Что же касается отношения к ЕС, то оно должно оставаться амбивалентным, предполагая постепенное приспособление к новой ситуации, укрепление чувства гордости по поводу принадлежности как к собственному государству, так и к сообществу правопорядка и благосостояния.⁵⁷

После саммита в Копенгагене 12–13 декабря 2002 г. и переговоров о членстве Польши в ЕС с удачным для нее согласованием условий приема, предваряющий его референдум 8 июня 2003 г. принес ожидаемые положительные результаты: в нем приняли участие 58,8% имеющих право голоса поляков, из которых за присоединение к Евросоюзу проголосовали 77,45%.

Ратифицируя результаты референдума, А.Квасьневский сказал: «Мы долго ожидали этого момента. Я не скрываю своего волнения. Я убежден, что это волнение разделяют миллионы моих соотечественников. Свершилось великое событие. /.../ Сегодняшнее решение открывает хорошие перспективы для государства и для молодого поколения; это решение – хорошая новость и для Европы. /.../ Эта кампания отличается от всех остальных своим общественным измерением. Захватывающим зрелищем были неправительственные, общественные, религиозные и молодежные организации в разных концах Польши. Люди очень молодые и люди очень зрелые, которые боролись за одно и то же, использовали сходные аргументы, и прежде всего с необычайной энергией и ангажированностью агитировали в пользу Европейского Союза». Он подчеркнул, что во имя реализации идеи интеграции в Европу в Польше удалось «создать проевропейский фронт, поднявшийся над историческими размежеваниями, поднявшийся над различиями в биографиях, которые привели нас к одной и той же цели, поднявшийся над принадлежностью к разным политическим партиям».⁵⁸

А.Квасьневский как признанный носитель современной польской национальной идеи в настоящее время является единственным польским политиком со стабильно высоким рейтингом.

1 мая 2004 г. Польша вступила в Евросоюз.